

СВѢТЪ ХРИТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный ВѢСТНИКЪ.

„Russian Orthodox American Messenger”

«Американскій Православный ВѢстникъ» издается на двухъ языкахъ: Русскомъ и Англійскомъ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го ст. ст.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На годъ . . . . . 3 дол. [6 рублей]
 На полъ года . . . . . 1 дол. 50 цент. [3 рубля]
 На 4 мѣсяца . . . . . 1 дол. . . . . [2 р.]
 Отдѣльные номера . . . . . по 15 центовъ.

The „MESSENGER” will be bi-lingual — Russian and English. — It will be issued on the 13-th and 27-th of each month.

TERMS OF SUBSCRIPTION:

One year \$3.00
 Six months \$1.50
 Four months \$1.00
 Single numbers . . . . . 15¢

Entered at the Post Office in New York as Second Class Mail Matter.

ГОДЪ V. — N 6-й. — NEW YORK, 323 SECOND AVENUE — 15 — 28 Марта 1901

Положи Господи храненіе устамъ моихъ.

Нѣмымъ ли надлежитъ намъ быти?— Никакъ: есть бо время молчати, и время глаголати. Когда за праздное слово воздадимъ отвѣтъ, то надлежитъ блюстися, дабы не воздать онаго и за праздное молчаніе: ибо иное молчаніе есть велико-многѣлѣствующее. Самъ Господь во Евангеліи молча содѣлалъ спасеніе челоуѣкомъ (Мате. 26, 63). Справедливо Давидъ не молчаніе всегдашнее себѣ опредѣлилъ, но храненіе усть.

Не каждому ли изъ насъ писано: виждь, огради стяжаніе твое терніемъ, серебро твое и злато твое свяжи, и словесемъ твоимъ сотвори вѣсь и мѣру, (Сирахъ. 28,—27, 28 и 29), и устамъ твоимъ сотвори дверь и запоръ. Стяжаніе твое—есть твой разумъ; злато твое—есть твое сердце; серебро твое—есть твое слово; слова Господня, слова емиста, серебро разжжено (Псал. 11, 7). Доброе, также и драгоцѣнное стяжаніе

есть непорочность и благія помышленія.

Свяжи слово твое да не будетъ невоздержно и продерзостно, да чрезъ многоглаголаніе не собереть себѣ грѣхи, да будетъ умѣренно, и останавливается на своихъ границахъ: разлившаяся рѣка скоро собираетъ грязь. Свяжи мысль твою, да не будетъ слаба и малодушна, да не речется о тебѣ: вѣсть пластыря приложить, ниже елей, ниже обязанія (Исаи 1, 7). Чистая мысль имѣетъ свое обузданіе, коимъ бываетъ управляема. О устѣхъ твоихъ да будетъ дверь ради заключенія оныхъ, когда потребно: да заграждаются прилѣжно, дабы кто гласа твоего не возбудилъ ко гнѣву, и ты не воздалъ поношеніе за поношеніе. Слышалъ ты чтенное: гнѣвайтесь и не согрѣшайте. И такъ когда мы гнѣваемся (понеже сіе есть свойство природы, а не дѣло власти), срамныхъ словъ да не произносимъ изъ устъ нашихъ, да чрезъ то не впадемъ во грѣхъ; но словесамъ твоимъ сотвори вѣсь и мѣру, и языкъ твой покоряй твоѣму разуму, да воздерживается онъ, да имѣетъ свое обузданіе, которымъ бы могъ быть возвращаемъ венять. Слова да произносить по мѣрилу правды, въ разумѣ ихъ да будетъ пріятность, важность и умѣренность.

(Св. Амвросія о должностяхъ).

С Л О В О

**Преосвященнѣйшаго Тихона, Епископа Алеутскаго и Сѣверо-Американскаго,
въ четвертую недѣлю Великаго Поста.**

*Положи, Господи, храненіе
устомъ моимъ, и дверь огражденія
о устнахъ моихъ (Пс. 140, 3).*

Такъ молится св. Церковь отъ лица нашего въ настоящіе дни поста. Но сами мы, братіе, какъ будто не сознаемъ необходимости просить объ этомъ Господа; напротивъ: мы желаемъ и домогаемся не прегражденія устомъ своимъ, а наибольшей свободы и отсутствія всякаго стѣсненія слову своему. Вѣдь наше слово, говорятъ, есть какъ бы отпечатокъ Божественнаго творческаго слова; въ немъ отраженіе образа Божія; оно—высшій даръ Божій, которымъ Господь отличилъ человѣка и возвысилъ его надъ грочими тварями. Для чего же и данъ этотъ даръ, какъ не для того, чтобы развивать и усовершенствовать его? Въ немъ наша сила и власть; оно—проводникъ нашихъ мыслей, чувствъ, нуждъ, предприятий, усовершенствованій; въ словѣ живетъ и движется знаніе, наука, законъ.

Цѣлесообразно ли, послѣ этого, заграждать уста и налагать узду на слово человѣческое?! Наоборотъ, не слѣдуетъ ли дать ему полную и широкую свободу, какъ высшему и благороднѣйшему дару Божію?

Однако, и самое достоинство этого дара должно уже располагать насъ къ тому, чтобы высоко цѣнить его и свято беречь, не марать и не грязнить его. Но къ осторожному и бережливому пользованію даромъ слова еще болѣе должно располагать насъ то, что грѣхомъ своимъ человѣкъ внесъ глубокую порчу въ свою природу, и извращеніе отразилось и на дарѣ слова. Языкъ не рѣдко сталъ служить орудіемъ грѣха, исполненнымъ смертоноснаго яда (Іак. 3, 8). Изъ устъ нашихъ зачастую стали исходить ложь, лесть, лукавство, обманъ, бранныя слова, обиды, оскорбленія, рѣчи, полныя соблазна и грѣховнаго яда. Значить, на рѣду

благодѣтельнымъ вліяніемъ и благотворною силою слова человѣческаго послѣ грѣхопаденія стала обнаруживаться и другая противоположная сторона. Языкомъ мы стали, по словамъ св. Апост. Іакова, не только благословлять Бога, но имъ же и проклинаемъ человекъ, сотворенныхъ по подобію Божію, и изъ тѣхъ же устъ стали исходить и благословеніе и проклятіе; и не должно, братіе мои, сему такъ быть: течетъ ли изъ одного источника сладкая и горькая вода? (3, 9-11). Не должно сему быть тѣмъ болѣе, что другое противоположное дѣйствіе языка внесло великій вредъ и разрушеніе въ жизнь человѣческую. Не столько, говорятъ премудрый сынъ Сираховъ, пало людей отъ острія меча, сколько отъ языка; и счастливы кто укрылся отъ него, кто не испыталъ ярости его, кто не влачилъ ярмо его, и не связанъ былъ узами его, ибо ярмо его — ярмо жельзное, и узы его — узы медныя; смерть лютая — смерть сѣю и самый адъ лучше его! (28, 21-24). Какъ же послѣ этого непослѣдовать мудрому совѣту сына Сирахова: для словъ твоихъ сдѣлай мѣру и вѣсъ, и для устъ твоихъ дверь и запоръ (28, 29), и какъ не воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ: кто дастъ мнѣ стражу къ устамъ моимъ и печать благоразумія на уста мои, чтобы мнѣ не пасть чрезъ нихъ, и чтобы языкъ мой не псубилъ меня! Господи, не оставь меня на волю ихъ! (22, 31; 23, 1).

Перѣдко говорятъ: чтоже худого въ томъ, что мы позволяемъ себѣ иногда сказать лишнее слово, пошутить, посмѣяться, конечно, безъ злаго умысла; вѣдь мы не святые, не монахи, живемъ въ мірѣ, и кто не погрѣшилъ языкомъ своимъ? (Сир. 19, 17) И однако св. Церковь молитъ Господа отъ лица нашего: *дугъ празднословія не даждь ми!* Вѣдь сами же мы придаемъ важное значеніе слову человѣческому; а если это такъ, то можно ли тратить слова даромъ, понапрасну? Своимъ празднословіемъ мы опустошаемъ душу, дѣлаемся

чрезъ это легкомысленными, неосновательными и неустойчивыми. Кто, говоритъ Прем. Соломонъ, *хранитъ уста свои, тотъ бережетъ душу свою, а кто широко раскрываетъ свой ротъ, тому бѣда: при многословіи не миновать грѣха* (Притч. 13, 3; 10, 19); *отъ всякаго труда есть прибыль, а отъ пустословія только ущербъ* (14, 2?). Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и того, что слова наши, хотя бы и не значительныя, не исчезаютъ безслѣдно въ воздухѣ, не пропадаютъ, а собираются и сохраняются на день страшнаго суда, гдѣ мы дадимъ отчетъ о всякомъ праздномъ словѣ и гдѣ отъ словъ своихъ оправдимся или осудимся (Матѣ. 12, 36-37).

Какъ же послѣ этого не быть намъ осторожными въ словахъ своихъ?! И подобно ли въ нашихъ шуткахъ нѣтъ ничего обиднаго для ближнихъ? Не заключается ли въ нихъ иногда „ядъ аспидовъ“ и „стрѣлы разженныя“, ударяющія сильнѣе бича? (Сир. 28, 20). Оттого пзъ-за нихъ и возникаютъ споры и ссоры между людьми самыми близкими, и иногда изъ-за одного слова разстраивается многолѣтняя дружба, какъ отъ одной искры загорается цѣлое зданіе. „Кто исчислитъ, спрашиваетъ св. Григорій Богословъ, всѣ тѣ огорченія, которыя причиняетъ языкъ? Если онъ захочетъ, безъ всякаго труда въ одну минуту заставить враждовать домъ съ домомъ, городъ съ городомъ, народъ съ властелиномъ, царя съ подданными, какъ искра воспламеняющая селому“.

Все это, братіе, заставляетъ насъ обратитъ вниманіе на языкъ нашъ, подумать и принять мѣры къ обузданію его.

Какія же это мѣры?

Св. подвижники благочестія для обузданія языка иногда по цѣлымъ годамъ предавались „безмолвію“, молчанію, въ которомъ видѣли, по изреченію нынѣ воспоминаемаго церковію преподобнаго Іо-

анна Лѣствичника, „храненіе въ себѣ огня, непримѣтное пресѣяніе и тайное восхожденіе къ лѣстницѣ добродѣтелей“. Чтобы приучить себя къ строжайшей сдержанности языка они нерѣдко принимали исключительныя мѣры: напр., препод. Агаѣонъ для сего три года держалъ камешекъ во рту. Конечно, при слабости нашей трудно намъ подражать этимъ „героямъ духа“. За то хотя поучимся наставленіямъ и совѣтамъ ихъ касательно обузданія языка.

Одинъ иннокъ спрашивалъ старца: „что мнѣ дѣлать? меня беспокоитъ языкъ мой; когда я бываю съ людьми, не могу удерживать его, но осуждаю и обличаю ихъ даже и въ добромъ дѣлѣ“. Старець отвѣчалъ: „это—немоць; ежели не можешь удерживать себя, бѣги въ уединеніе“. И дѣйствительно, въ уединеніи нѣтъ поводовъ къ празднословію и многоглаголанію. Необходимость уединенія признавали даже и языческіе мудрецы: одинъ изъ нихъ (Сенека) говоритъ, что „всякій разъ, когда я побываю людьми, я возвращаюсь къ себѣ менѣе человѣкомъ“. Мы и сами нерѣдко испытываемъ подобное послѣ бесѣды, зачастую пустыхъ и лишь разсѣивающихъ нашъ духъ. Св. отцы чаще всего уединялись и удалялись изъ общества на время великаго поста. Ничто и намъ,

братіе, не мѣшаетъ уединиться и въ безмолвіи проводить если и не весь постъ, то по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ каждый день и посвящать ихъ на молитву, благочестивыя размышленія, самоуглубленіе и испытаніе своей совѣсти.

Обузданію языка, кромѣ уединенія, способствуетъ, по словамъ св. Григорія Богослова, и постъ. Замѣчено, что болтливость наша проистекаетъ часто отъ многояденія и особенно отъ употребленія вина, которое не вмѣру развязываетъ языкъ нашъ. Напротивъ, постъ ведетъ къ *создержанію языка, отложенію ярости, оглаголанія и лжи*, ибо подавляетъ въ насъ похоти, раздражающія языкъ нашъ.

Для успѣха въ обузданіи языка нужно также, по словамъ тогоже св. Григорія, просить Господа о помощи. Подвигъ сей труденъ для невнимательнаго и удобопреклоннаго ко грѣху человѣка. И если Давидъ, сынъ Сираховъ, препод. Ефремъ Сиринъ и другіе свѣтые мужи, сильные духомъ, просили Господа о помощи въ этомъ дѣлѣ, то тѣмъ паче намъ слабымъ подобаетъ молить: положи, Господи, храненіе устомъ моимъ, и дверь огражденія о устахъ моихъ (Пс. 140, 3).

С. Франциско. 1901 г.

**Основныя задачи и характеръ православно-русскаго инородческаго миссіонерства.
Западное инославное миссіонерство.**

**The Main Problems and the character of the Russian Orthodox Foreign
Mission Work. Western Non-Orthodox Mission Work.**

— * —
(Продолженіе).

Итакъ, будучи всецѣло духовной, православно-русская инородческая миссія не есть и не можетъ быть миссіей политической. — Она никогда не употребляла и не употребляетъ свои силы и стараніе на приобрѣтеніе власти и вліянія

If then our Orthodox Russian foreign missions are entirely *spiritual*, it follows that they are not, and cannot be, *political* in character. They never did, and do not now strive for the acquisition of power or *influence* in political affairs. They do not

на политическія дѣла. Она не смотритъ на распространеніе христіанства, только какъ на средство къ покоренію язычниковъ и приведенію ихъ подъ власть рускаго правительства. Все это—дѣло государства и его дипломатической миссіи, но не церкви и ея благовѣстничества. — И исторія показываетъ, что только тѣ изъ благовѣстниковъ съ успѣхомъ совершали свое дѣло обращенія язычниковъ ко Христу, которые преслѣдовали чисто духовные интересы, желали только духовнаго блага язычникамъ и отнюдь не примѣшивали къ этому какихъ-либо политическихъ соображеній и мечтаній.

Какъ въ древности, такъ и настоящее время наше инородческая духовная миссія служитъ основной задачѣ русской Православной Церкви (Мѣ. 28, 19–20), исключительно духовному просвѣщенію язычниковъ.

Это не такъ еще давно открыто засвидѣтельствовало одинъ изъ нашихъ епископовъ-миссіонеровъ, Преосвященный Николай, бывшій Алеутскій и Аляскинскій, въ своемъ прощальномъ посланіи къ Президенту Соединенныхъ Штатовъ. „Наша Церковь, говоритъ Преосвященный Николай, никогда въ политику не вмѣшивается, а духовенство наше никогда не занималось ни у себя дома, ни гдѣ-бы то ни было интригами въ этомъ родѣ. Смѣшивать насъ съ иезуитами не должно. Наша Церковь позволяетъ намъ только печаловаться за угнетенныхъ, или невинно страждущихъ, предъ высшею властію, — какъ я и дѣлалъ это предъ Вами прежде, — но никогда не позволяетъ подстрекать гражданъ на бунтъ и измѣну”.

Таковою же, т. е. совершенно непричастною политическимъ тенденціямъ, заявила себя наша духовная миссія и въ другихъ странахъ, напр. въ Японіи. — Въ Японіи трудами Преосвященнаго епископа Николая создана національная

look on the propagation of Christianity as merely a means for the subjugation of heathens under the power of the Russian government. All this is the business of the State and its diplomatic missions—not of the Church and her evangelizing staff. And history shows that only those evangelizers successfully plied their task of converting heathens to Christ, who pursued purely spiritual objects, aimed only at the heathens' spiritual welfare, without admixture of any political scheming whatsoever. Accordingly, our foreign missions, at the present as in former times, serve exclusively the chief aim of the Russian Orthodox Church (Matth. XXVIII, 19–20)—the spiritual illumination of the heathens.

This fact was quite recently openly referred to by one of our missionary bishops, the Rt. Rev. Nicholas, late of Alaska and the Aleutian Islands, now of Simferopol, in his farewell message to the President of the United States: „Our Church never meddles with politics, and our clergy never, either at home or anywhere else, have busied themselves with any intrigues of this description. It would be wrong to confound us with the Jesuits. Our Church allows us only to intercede for the oppressed or them that suffer innocently—as I have sometimes done before you—but never allows us to incite citizens to revolt and treason”.

Such—i. e. entirely unaffected by political tendencies—our missions have showed themselves in other countries also, for example in Japan. In that country the Rt. Rev. Bishop Nicholas has created a national church composed of Japanese All natives: the priests, the preachers, etc. have all been taught in Japan, by Japanese teachers, in the Japanese spirit. This fact—that the Orthodox Church of Japan is already living its own life,—is a sure pledge of its enduring vitality. And the reason of

Православная Церковь изъ среды японцевъ. Въ ней все—звое: и священники, и проповѣдники и проч. воспитаны здѣсь, воспитаны учителями японцами, въ японскѣмъ духѣ. И это обстоятельство, что Православная церковь въ Японіи уже теперь живетъ своей жизнью, служить залогомъ того, что она сохранитъ свою жизнность навсегда.—Причина же такого крѣпкаго и прочнаго существованія Православія въ Японіи та, что наша миссія тамъ, точнѣе—Преосвященный Николай всегда проповѣдывалъ только христіанство, старался образовать изъ японцевъ только христіанъ, но не имѣлъ въ виду какихъ-либо политическихъ соображеній.

То-же самое нужно сказать и о нашей духовной миссії въ Китаѣ, хотя относительно нея существуетъ мнѣніе, будто она учреждена по политическимъ расчетамъ. На дѣлѣ же она была учреждена съ тою цѣлью, чтобы, во-первыхъ, имѣть пастырскій надзоръ за потомствомъ албазинцевъ, а во-вторыхъ, открывать китайскимъ жителямъ свѣтъ православной вѣры. Эта цѣль учрежденія Пекинской миссії ясно и опредѣленно выражена въ указѣ Петра отъ 18 июня 1700 года. Содержаніе этого указа, между прочимъ, таково: „для утвержденія и приумноженія въ Православную вѣру и проповѣдь св. Евангелія въ идолопоклонныхъ народахъ Китая, тако-жъ для приведенія ясачныхъ народовъ въ вѣру христіанскую и св. крещеніе, которые близъ Tobolska и иныхъ сибирскихъ городовъ живутъ. Великій Государь говоря о томъ съ Святѣйшимъ Патриархомъ (Адрианомъ † 15 окт. 1700 г.) указалъ писать къ Кіевскому митрополиту (Варлааму Ясинскому), чтобы онъ, подражая о томъ святому и богоугодномъ дѣлѣ поискалъ... добраго и ученаго, и благаго житія челоуѣка, которому бы въ Tobolsku быть митрополитомъ, и могъ Божією помощію въ Китаѣ и въ Сибири

it is that our Mission there—or, more correctly, Bishop Nicholas,—always preached only Christianity; strove to make of the Japanese converts only *Christians*, with no political byt-hought.

The same can be said of our mission in China, although there exists a current idea that it was instituted on political grounds. In reality it was instituted with the object, in the first place, of keeping a pastoral supervision over the posterity of the Albazins and, in the second place, of revealing to the Chinese the light of the Orthodox Christian faith. These objects of the institution of the Pekin Mission are set forth with great clearness and precision in the Ukaz of Peter Great, dated June the 18-th 1700, where, among others, are the following lines: „For the strengthening and increase of them that follow the Orthodox faith, and for the preaching of the Holy Gospel among the idolatrous natives of China, as also with the object of bringing to the Christian faith and Holy Baptism the peoples of Yassak race that dwell in the neighborhood of Tobolsk and other Siberian cities, the Sovereign, after consulting on the subject with His Holiness the Patriarch”— (Adrian, died October the 15-th 1700)—ordered that the Metropolitan of Kief (Barlaam Yassinsky), be written to, in order that he, taking up that holy and God-pleasing work, might seek...for some good and learned man of godly life who should be Metropolitan at Tobolsk, and who could, with the help of God, bring men living in Siberia and China in the blindness of hardened idolatry and other evil beliefs, to the knowledge and service of the true, living God—and who should bring along with himself good and learned monks... who should be able to learn the Chinese and Mongolian tongues and writing, and, having studied those peoples' superstitions, could, by strong arguments* from the Holy Gospels, bring

въ слѣпотѣ идолослуженія и въ прочихъ невѣрствіяхъ законнѣлыхъ человекъ приводитъ въ познаніе и служеніе истиннаго, живаго Бога,—и привелъ бы съ собою добрыхъ и ученыхъ иноковъ..., которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамотѣ научиться и, ихъ суевѣріе познавъ, могли твердыми св. Евангелія доводами многія души изъ области темныя сатанинскія привести во свѣтъ познанія Христа Бога нашего и, *тамо (въ Пекинѣ) живущихъ и проѣзжихъ христіанъ отъ прелести всякой идолослуженія ихъ отвратить*,—и тако могли бы жити и у той построенной Божіей церкви (албазинской) служить, чтобы своимъ благимъ житіемъ хана китайскаго и и ближнихъ его людей и обще ихъ народъ и *вести бы къ тому святому дѣлу*»...—Этой чисто духовной задачѣ пекинская миссія была вѣрна и въ своей дѣятельности. Она всегда держалась указанныхъ ей границъ нравственно-религіозной сферы и не вела пропаганды, не вмѣшивалась въ политику и не интриговала при дворѣ богдыхана.—Поэтому, и въ глазахъ самихъ китайцевъ наша духовная миссія не имѣла политическаго характера,—и пекинское правительство всегда относилось къ нашимъ миссіонерамъ благодушно: не только не подвергало ихъ гоненіямъ и изгнаніямъ, къ чему много разъ прибѣгало относительно католическихъ и протестантскихъ вѣропроповѣдниковъ, напротивъ, „содержало ихъ во всякомъ благопризрѣніи, безъ малѣйшаго стѣсненія”.

Не будучи политическою, наша инородческая духовная миссія не стремится, также, быть и миссіей культурной. Она не понимаетъ своихъ задачъ только въ смыслѣ распространенія среди дикихъ народовъ европейской культуры и цивилизаціи,—въ смыслѣ сообщенія инородцамъ полезныхъ знаній, ремеселъ и проч., и никогда не ставила этихъ культурныхъ задачъ на мѣсто своихъ духовныхъ.—Это,

many souls out of the dark satanic realm into the light of the knowledge of Christ our God and preserve Christians residing or travelling there (at Pekin), from falling into the allurements of all kinds of idolatrous service,—and thus could dwell near that church built unto God” (by the Albazins), „and minister there, so as, by their godly life, to win unto the same sacred cause the Khan of China, and the men nearest to him, and their people generally”... To this purely spiritual programme the Pekin Mission has remained true in all its course of action. It has always kept within the bounds of the religious and moral sphere enjoined to it, never carried on any propaganda, nor interfered in politics, or in any court intrigues. Hence our Mission had no political character in the eyes of the Chinese themselves, and the Pekin government's attitude towards our missionaries always was a kindly one: it not only never persecuted or banished them, as it repeatedly did Catholic and Protestant preachers, but, on the contrary, „showed them every favor, and never subjected them to the least restraint”.

Our foreign missions, then, are distinctly not of a political nature. But neither do they aim at a cultural character. They do not understand their tasks in the sense of propagating European culture and civilization among savage peoples,—in the sense of imparting to foreign races useful knowledge, handicrafts and the like, and never have set cultural problems in the place of their own proper spiritual tasks. The reason for this, of course, is that European culture and civilization are by no means, as so many fancy, wholly an outgrowth of Christianity. European culture owes to Christianity only the little that is really noble and lofty in it;—if we go into particulars, we shall find that it is in direct opposition to it. The two are frequently two contrasting realms, two wholly different

конечно, потому, что европейская культура и цивилизація отнюдь не есть, какъ нѣкоторые думаютъ, всецѣлое порсждение христіанства.—Только тѣмъ, что есть не-много возвышенное и благородное въ европейской культурѣ, послѣдняя обязана христіанству.—въ частностяхъ-же своихъ она прямо противоположна ему.—Христіанство и европейская культура—это, въ сожалѣнію, часто два совершенно противоположныя царства, два совершенно различные міра. Первое—царство любви, кротости, смиренія, отреченія отъ всего земного и надежды на вѣчную небесную жизнь. Вторая-же—область самолюбія, чувственности, крайняго эгоизма, совершеннаго пристращенія къ землѣ: она вся направлена къ тому, чтобы очаровать чело-вѣка изобрѣтенными ею земными благами и совершенно поработить его землѣ, сдѣлать его не „господиномъ” этого видимаго міра (Быт. 1, 28), а работъ міра, готовымъ жертвовать ради него всею священнымъ.—Отсюда само собою понятно, что смѣшеніе духовныхъ задачъ съ культурными, а тѣмъ болѣе—совершенная замѣна первыхъ послѣдними, ведетъ въ дѣятельности миссій къ самымъ печальнымъ результатамъ. Преслѣдованіе духовной миссіей культурныхъ задачъ производитъ то, что изъ инородцевъ выходятъ, въ лучшемъ случаѣ, разсудительные и хозяйственные люди, ремесленники, торговцы, люди, можетъ быть, полезные для государства, въ условномъ смыслѣ, и устойчивѣе въ борьбѣ за существованіе, но отнюдь—не христіане, любящіе, страдающіе, довольные своимъ жребіемъ и готовые для Христа даже лишиться того, что имѣютъ. Въ худшемъ случаѣ—выходятъ тунеядцы, мошенники, а изъ разбогатѣвшихъ инородцевъ—кулаки, эксплуататоры своихъ-же сородичей.

Не будемъ голословны. „Патріархъ нашихъ миссіонеровъ”, митрополитъ Ин-

worlds. The one—all love, meekness, humility, renunciation of all that is of earth, and hope of an eternal life in heaven. The other composed of self-love, sensuality, extreme egotism, complete attachment to earth, tending wholly to man utter enslavement to earth, by the witchery of the earthly comforts it keeps inventing, aiming at making him not one having dominion over this visible world (Gen I, 28), but a servant of it, ready to sacrifice for its sake all that is most sacred. It is self-evident from this that a mixing of spiritual with cultural aims, and, still more, a substitution of the latter for the former in a mission's work, must lead to most deplorable results. Religious missions pursuing cultural aims make of native converts, at the best, sensible, thrifty people, craftsmen, tradesmen,—men, it may be, useful to the state in a certain sense, hardy and enduring in the struggle for existence—but in no way Christians, loving, suffering, contented with their lot and ready to give up even the little they have, for Christ's sake. At the worst, they turn out idlers, sharpers, while natives that have made money develop into taskmasters who grind down their own people.

But we must not give assertions without facts. The patriarch among our missionaries, the Metropolitan Innocentius, who, while a priest and missionary in America, was acquainted thoroughly and from personal experience with all the conditions of the natives, both baptized and unbaptized, was strongly opposed to the propagation among them of European culture and civilization. Those who go forth among foreign races, says this great missionary, frequently ask themselves: Should savages be enlightened? Is it for their good to be? If, under the word *enlightenments* we understand a change or passage from their former so-called savage condition to a later form of existence, more like our

нокентій, который, будучи священникомъ и миссіонеромъ въ Америкѣ, весьма близко и обстоятельно зналъ бытъ и условія жизни какъ крещенныхъ, такъ и некрещенныхъ инородцевъ,—сильно возстаетъ противъ распространенія среди инородцевъ европейской цивилизаціи и культуры. Просвѣтителѣ инородцевъ, говорить этотъ великій миссіонеръ, задаютъ себѣ такой вопросъ: „должно-ли просвѣщать дикарей, и полезно-ли для нихъ просвѣщеніе“?

Если подѣ именемъ просвѣщенія разумѣть „перемѣну или переходъ изъ пхъ прежняго, такъ называемаго, дикаго состоянія въ нынѣшнее, подходящее къ нашему-европейскому“ то такое просвѣщеніе для инородцевъ, по мысли митрополита Иннокентія, не нужно, какъ не только не полезное, но прямо вредное. „Не много, говорить онъ, выиграютъ дикари отъ вносимаго къ нимъ просвѣщенія, *если оно будетъ только внѣшнее, житейское, и если даже оно будетъ состоятъ только въ одномъ умственномъ образованіи*. Ибо чѣмъ улучшится нравственное состояніе дикаря, когда онъ, на примѣръ, узнаетъ, что не солнце вертится вокругъ земли, а въ тоже время не пойметъ ни цѣли существованія міра, ни цѣли своего существованія? Счастливы-ли будетъ дикарь въ быту своемъ, когда онъ изъ звѣриной шкуры переодѣнется въ сукно и шелкъ, а въ то-же время *перейметъ съ нимъ и всѣ злоупотребленія производителей и потребителей*“? — Примѣръ вреднаго вліянія на инородцевъ такого односторонняго, только культурнаго просвѣщенія митрополитъ Иннокентій указываетъ на алеутахъ. „Къ нимъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, говорить онъ, перешли такіе обычаи и мнѣнія, которые они прежде и читали преступленіемъ и стыдомъ;—и съ употребленіемъ въ нихъ худого и вреднаго уничтожилось и многое доброе. Такъ, на примѣръ: алеуты прежде были не слиш-

European conditions.—then such enlightenment, in Innocentius' opinion, is *not necessary* as being not merely not beneficial, but actually harmful. Savages, he says, will not gain much from the civilization we bring them, *if it is merely outward, worldly, or even if it consists only in the education of the mind*. For, in how far will the savages' moral condition be improved by his learning, say, that the earth revolves around the sun, and not the sun around the earth, if he does not at the same time learn anything about the purpose of the world's existence, nor of his own? Will he be happier in his daily life from exchanging his pelts for garments of wollen cloth and silk, *if he at the same time, take on all the abuses of the producers and consumers*?”—As an instance of the evil influence on natives of such one-sided, merely cultural instruction, Innocentius points out the Aleutians. Together with civilization, says he, were carried to them habits and opinions which they formerly had looked upon as criminal and shameful; and together with some bad things, much that was good was destroyed in them. To take one illustration: the Aleutians never were very industrious,—in fact they were lazy, but they had things that roused them to activity and kept them active, such as wars and tribal quarrels. In their present condition, these things have been taken from them, as harmful; but on the other hand they have almost nothing that can at all times arouse them and keep them active; hence their natural disinclination to exertion, especially with the bad examples of the strangers that have come among them, has become sloth pure and simple.—The Aleutians did not know many of the comforts of life; in fact they were very dirty and untidy in their manner of living; but then neither did they know luxury and all that goes with it, and, not having any standards

комъ трудолюбивы и даже лѣзвы, но у нихъ были и предметы, которые возбуждали и поддерживали ихъ дѣятельность; напр., междоусобія и войны. Въ нынѣшнемъ состояніи ихъ, у нихъ не стало, таковыхъ предметовъ—какъ вредныхъ, но въ то-же время почти нѣтъ ничего такого, что бы всегда могло возбуждать и поддерживать ихъ дѣятельность; и оттого природная ихъ неохота къ трудамъ—и особенно при худыхъ примѣрахъ пришельцевъ ихъ—нынѣ дѣлается чистою лѣзью. Алеуты прежде не знали многихъ удобствъ жизни и жили очень неопрятно и нечисто; но за то они не знали и роскоши и всего, что ей сопутствуетъ,—и, не имѣя образцовъ, съ которыми бы могли сравнивать свое состояніе, они были довольны. Нынѣ они понимаютъ различіе состояній и выгоды богатыхъ, но въ то-же время не имѣютъ почти никакой возможности улучшить свое состояніе даже до посредственности;—и потому, это можетъ служить только причиною мученій, зависти, жалобы, униженія и проч. Алеуты прежде не знали искусствъ, полезнѣйшихъ въ быту человѣка и извѣстныхъ просвѣщеннымъ народамъ, но за то они превосходно знали свои искусства, необходимыя въ ихъ быту, какъ то: искусство ѣздить въ байдаркѣ, промыслять и даже искусство врачеванія. Нынѣ они, научаясь искусствамъ новымъ, которые въ ихъ быту и при ихъ обстоятельствахъ и средствахъ очень мало могутъ принести имъ пользы, въ то же время теряютъ свои національныя и болѣе имъ полезныя искусства. У алеутовъ въ прежнемъ быту ихъ были нѣкоторые обычаи даже вредные, напр., убивать невольниковъ для прислуги умершимъ; но за то въ числѣ ихъ обычаевъ были такіе, которые всегда стоятъ похвалы и подражанія, напр., въ случаѣ крайней нужды дѣлиться послѣднимъ кускомъ. Нынѣ, съ уничтоженіемъ

of comparison, they were content. Now they understand the difference between the several conditions of man, the advantages of wealth; but at the same time, having hardly any possibility whatever to improve their condition even as far as mediocrity, they find in this knowledge nothing but a source of torment, envy, discontent, abasement, etc.—The Aleutians formerly knew none of the arts most useful to men and most familiar to civilized peoples; but they were thoroughly skilled in arts of their own, necessary in their own condition, such as: the arts of handling their *baidarka* (the native boat), of hunting and fishing, and even of healing. Now, while they are learning new arts, which can be of very little practical use to them in their mode of life, under their conditions and with their means, they, at the same time, lose their national crafts, and the arts most useful to them.—The Aleutians, in their former condition, had some decidedly bad customs, as for instance that of killing slaves at funerals, to wait on the dead in the other world. But, on the other hand, they had some as decidedly deserving of praise and imitation, such as, for that of sharing their last crust with those in need. Now, together with the bad customs, the good ones are going also. Civilization teaches them „Remember thou art the father of a family; thy first duty is to thine own”, etc.—The Aleutians formerly had many rules and principles not consistent with civilized ideas, but they were very strict in the observance of them; the general contempt, and even death were the price paid for violating them: they had almost no idea of forgiveness: their vocabulary has no word either for granting or asking forgiveness. Now they have exchanged those rules and principles for other and better ones; only, at the same time, they have learned that, while among civilized people all the rules of life are excellent, it

обычаевъ вредныхъ, начинаютъ измѣняться и добрые. Просвѣщеніе имъ внушаетъ: „помни, что ты отецъ семейства. ты долженъ заботиться о своихъ” и проч.—Алеуты прежде имѣли многія правила, несообразныя съ понятіями просвѣщенія, но за то они все свои правила исполняли весьма строго; всеобщее презрѣніе и даже смерть были неизбѣжными слѣдствіями нарушенія ихъ: о прощеніи, т. е. просить прощенія или прощать, они почти и понятія не имѣли (въ ихъ словарѣ нѣтъ словъ: прощать и просить прощенія). Нынѣ они, перемѣнивъ свои прежнія правила жизни на новыя, лучшія, въ то-же время узнали, что у просвѣщенныхъ народовъ все правила жизни превосходны, но строгой и неизмѣнной точности въ исполненіи ихъ очень немного;— и нерѣдко ясное нарушеніе ихъ не только не преслѣдуется общимъ мнѣніемъ, но прикрывается слабостію, снисходительностію и проч. И само собою разумѣется, алеуты начинаютъ пользоваться такой заманчивой амнистіею”.—Вотъ горькіе плоды „культуривованія” дикихъ народовъ — Но отсюда не слѣдуетъ, впрочемъ, дѣлать заключенія, будто совсѣмъ „не должно просвѣщать дикарей”, а—оставлять ихъ коснѣть въ грубыхъ нравахъ и обычаяхъ и попрежнему влачить жалкій образъ жизни, въ грязи и нищетѣ... Нѣтъ, „надобно только, какъ говоритъ митрополитъ Иннокентій, выводя дикарей изъ прежняго ихъ состоянія, наблюдать благоразумную осторожность, дабы вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ счастливѣе, не лишитъ ихъ и настоящаго ихъ счастья. Такъ, надобно стараться вывести дикаря изъ его грязной жизни; но очищая нечистоту его тѣла, надобно быть осторожнымъ, чтобы не содрать съ него и природной его кожи и тѣмъ не изуродовать его; искореняя въ нихъ ложныя правила ихъ нравственно-

сти,—не сдѣлать ихъ совсѣмъ безъ пра-

does not matter so much about observing them, and that even open violation of them not only is not, as a rule avenged by public opinion, but is frequently excused on the plea of weakness, leniency, and so forth. Naturally, they begin to take advantage of such attractively indulgent morals”—*). Such are the bitter fruits of introducing savage peoples to culture.—Yet it must not be inferred from this that savages are not to be taught at all, but are to be left to stagnate in their coarse manners and customs, and to go on dragging their old miserable existence in dirt and destitution... No, says Innocentius; „it is only necessary, while leading savages out of their wretched condition, to observe a certain wise caution, so that we may not, instead of making them happier, deprive them of such happiness as they enjoy now. We must, for instance, strive to break the savage of his dirty habits; but we must be careful lest, in scrubbing the dirt from his body, we do not scrub away his own natural skin and spoil him altogether. While extirpating the wrong principles of their own peculiar morality, do not let us make of them beings devoid of all moral principle”... There is much more in the same strain.—In view of these dangers, what we must strive to propagate among natives is not the miscalled „European civilization”, but the true Christian light, teaching them religious truths, and establishing them in the principles of a sound morality. Only such religious-ethical treatment can cure the natives of their coarse ways and cruel customs, wean them from drunkenness, idleness, immoral living, lead them to care for cleanliness of the body and purity of the soul; in a word, only such treatment can lift them out of a condition like that of the beasts of the field—not that „culture” and „civilization”

*) Memorials on the islands of the group of Unalashka, by J. Veniaminof, 1840. Part II; pp. 313—318.

виль нравственности" и проч. А для этого нужно распространять среди инородцев не вышеуказанное ложное „просвѣщеніе“, въ смыслѣ европейской культуры, а—истинное, христіанское просвѣщеніе, состоящее въ наученіи ихъ истинамъ вѣры и въ укрѣпленіи ихъ въ доброй нравственности. Только одно такое религіозно-нравственное просвѣщеніе инородцевъ можетъ смягчить ихъ грубые нравы и жестокіе обычаи, отвратить ихъ отъ пьянства, лѣни, разврата, заставитъ ихъ заботиться о чистотѣ душевной и тѣлесной;—словомъ, только оно одно можетъ вывести ихъ изъ состоянія скотоподобія, а не та „культура“ и „цивилизация“, которая часто усиливаетъ среди нихъ всякіе грубые пороки и тѣмъ способствуетъ не развитію, а „вымиранію“ инородцевъ. „Христіанство, говоритъ незабвенный инородческій дѣятель Н. И. Ильминскій, внутренно просвѣщая, облагораживая и укрѣпляя человѣка въ его умѣ и сердцѣ, въ понятіяхъ и располженіяхъ, *самимъ вѣрнымъ и прямымъ путемъ ведетъ къ облагороженію и упорядоченію быта инородцевъ*“.—Такой же взглядъ на христіанство, какъ на силу, безконечно улучшающую и облагораживающую дикаря, и притомъ—какъ на силу, единственно могущую выполнить эту задачу,—высказывается даже лучшими изъ нашихъ свѣтскихъ писателей. А. С. Пушкинъ въ своемъ сочиненіи „Путешествіе въ Ерзерумъ“, сказавъ о дикости нравовъ черкесовъ и о нѣкоторыхъ средствахъ для смягченія ихъ, продолжаетъ: „естъ, наконецъ, средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ вѣка: *проповѣданіе Евангелія*“.

Итакъ, наша инородческая духовная миссія стоитъ внѣ и выше всѣхъ политическихъ и узко-культурныхъ цѣлей и имѣетъ своею задачею единственно распространеніе царства Божія на землѣ. Въ этомъ—ея успѣхъ, ея сила, залогъ ея жиз-

which frequently only intensify their worst vices and furthers, not the regeneration, but the extinction of the native races. „Christianity“ says the never to-be-forgotten worker in this field, N. I. Ilminsky, „by enlightening, ennobling and strengthening man in heart and mind, in his ideas and inclinations, *leads natives most surely and directly to a nobler and more orderly manner of living*“. The same view of Christianity as a force infinitely improving and ennobling in its action on savages,—nay, as *the only force capable of achieving this task*.—is taken by the best among our secular writers. A. S. Pushkin, in his „*Trip to Erzerum*“, after speaking of the Tcherkesses' (Circassians) savagery and the best means of taming them, says: „Lastly, there is a means more efficient, more moral, more in accordance with the enlightened spirit of the age, and that is—*to preach the Gospel to them*“.

It follows that our foreign mission work stands outside of and above all political and narrowly cultural aims, and pursues the exclusive task of propagating the kingdom of God upon earth. In this lies its success, its power, the pledge of its vitality and duration. Very poor in material means, scant in numbers, inconspicuous by their humble external organization and the absence of striking effects, *our missions are strong by the divine spirit which animates them, their internal warmth of feeling, and succeed where it is least to be expected they should, judging from merely human probabilities and calculations*. We have a fine illustration of this in the following description of our Mission in Japan by one of its members: „One cannot help admiring God's goodness to our Mission, We have no schools with European programmes, no hospitals with a whole staff of Sisters, we cannot sow pecuniary aid broadcast, right and left. Aloof from all cultural and political problems, our mission pursues but one ob-

ненности и долговѣчности. Весьма скудная матеріальными средствами, немногочисленная своими членами, вообще незначительная по своей внѣшней организаціи и не бьющая въ глаза видимыми эффектами, она сильна своимъ Божественнымъ духомъ, своею внутреннею умилительною теплотою и успѣшно дѣйствуетъ тамъ, гдѣ всего менѣе можно этого ожидать по чисто человѣческимъ соображеніямъ и расчетамъ. Прекраснымъ примѣромъ сказанному можетъ служить слѣдующая характеристика жизни и дѣятельности нашей духовной миссіи въ Японіи, сдѣланная однимъ изъ бывшихъ членовъ ея. „Неволью подивисься, говоритъ онъ, милости Божіей надъ нашей миссіей. Нѣтъ у насъ ни школъ съ европейскими программами, ни больницъ съ цѣлымъ штатомъ сестеръ милосердія, не сыплются изъ миссіи направо и налѣво разныя „вспомоществованія“. Чуждая всякихъ культурныхъ и политическихъ задачъ, наша миссія поставила себѣ цѣлью проповѣдывать Японіи Христа и Его ученіе въ его чистомъ видѣ. Оттого и благодать Божія, живущая въ Церкви Христовой, не покидаетъ и нашей миссіи. Эта послѣдняя сильна не матеріально и не количествомъ своихъ дѣятелей, и не ихъ собственными дарованіями, а прямо благодатию Христовою и только ею одною. Что такое силы миссіи? Нуль въ сравненіи съ протестантскими и католическими. Противъ цѣлыхъ армій ихъ миссіонеровъ—европейцевъ у насъ дѣйствуютъ исключительно японцы, новообращенные, лишь поверхностно образованные. Правда, во главѣ всего стоитъ Пресвященный Николай, воспитывающій проповѣдниковъ, но вѣдь онъ совсѣмъ одинъ. Здѣсь побѣждаютъ не люди, а благодать и истина. Миссія только бросаетъ сѣмена, а возвращаетъ Богъ. Епископъ приводилъ мнѣ много случаевъ изъ своей практики, изъ практики катихизато-

ject—that of preaching to the Japanese Christ and His doctrine in all its purity, without any additions or misinterpretations. Hence the grace of God, which abideth in Christ's Church, never forsakes our mission. It is strong neither materially nor numerically, nor by any special gifts of its members, but in the direct grace of Christ, and that alone. What are the Missions' resources? Naught, compared to those of the Protestant and Catholic Missions. As against their armies of European missionaries, we have only Japanese, recent converts, with a superficial education. True, they have at their head Bishop Nicholas, who trains the preachers: but he is quite alone. It is not men that prevail here, it is truth and grace. The missions merely cast the seed, and God raises the crop. The Bishop told me of many cases in his own practice and that of his catechizers which positively demonstrate the independence of their work from all human calculations. The most eloquent, the most finished sermons are at times but sounding brass, when a most careless, not even logically constructed, altogether poor discourse will have a wonderful success. It mostly happens too, that the greatest success is obtained where absolutely no hopes, were entertained; while where everything was calculated with all but mathematical precision, nothing comes of it at all. Everything loudly proclaims that there is One in charge of the work, Who directs it according to His pleasure”.

(To be continued).

„Американскій Православный Вѣстникъ.“

на 1901 годъ.

„Russian Orthodox American Messenger”.

Подписка на Амер. Прав. Вѣстникъ принимается въ Америкѣ: America, New York, City. 323 Second Avenue, Rev. Alexander Hotovitzky.

ровъ, гдѣ положительно видна эта независимость миссіонерскаго дѣла отъ соображеній и расчетовъ человѣческихъ. Самыя краснорѣчивыя, отдѣланныя проповѣди бывають подъ-часъ мѣдью звенящею; а иногда совершенно небрежная, нелогическая, вообще неудачная проповѣдь имѣеть удивительный успѣхъ. По большей части

и бываетъ такъ, что успѣхъ получается, гдѣ не было никакой надежды; а гдѣ все рассчитано чуть не съ математической точностью, ничего не выходитъ. Такъ все и говорить, что есть Хозяинъ этого дѣла, Который Самъ и направляетъ его, какъ угодно Ему”.

(Продолженіе слѣдуетъ).

SIGNS OF THE TIMES.

By Archpriest Peter Smirnof.

All these and other indications from preachers of the Word of God make it certain beyond all doubt that the days we are living through now are days of great and deep import. The pictures they draw of the people's life are gloomy, nay apparently utterly cheerless. Shall we then give way to despondency and despair? Such feelings are in themselves sinful. „God is our refuge and strength, a very present help in trouble” (Psalm 46, 1). „Look unto me, and be ye saved, all the ends of the earth; for I am God, and there is none else” (Is. 45, 25). How many times before has not our dear native land been in such straits that it seemed as though her last days had come! Remember the Tatar invasion—the time of the Pretenders,—the French invasion under Napoleon,—the late troubles before the terrible catastrophe of the 1-st of March 1881. Yes, we too have seen hard and dangerous times... The peaceful reign of Alexander III, continued so prosperously by the now reigning monarch, shows that, in spite of deep seated ills and great dangers threatening from all sides, Russia can live on, if from rough by-ways she turns to the even, straight highway marked out for her by a thousand years of history. And both secular history and universal church history mark out for her a noble task, suggested by her central position between the West, which has lost the treasure of the true faith, and the East, which has preserved it. Our church, thanks be to God, steadfastly guards the sacred trust of Orthodoxy, maintains her indissoluble connection with the ancient Orthodox churches of the East, nurtures great heroes of faith and piety, such as we honor in the persons of modern prelates like Philaret, Innocentius, the recently deceased Joannychius, Theophanes the Recluse, aged monks like Seraphim, Parthenius and others; she abounds in wonderful tokens of God's mercy and grace and in great forces, capable of supporting and strengthening Russia and enabling her to fulfil her mission in the world. This brings us again to the question of the end of the world.

It has been said above that two signs predicting

the end of the world are still far from being fulfilled: the Gospel has not yet been preached to all the nations, and the wholesale conversion of the Jews has not yet begun, although the veil which lay on their eyes in the beginning of Christian preaching, is visibly lifting. Time must pass, a great deal of time, before these signs are realized. Why there are so many heathens in the world, why China sleeps such a long sleep,—these are questions which have always challenged attention. There can be but one answer to them: their time has not yet come. Not before the IX-th century were the Slavs called, although they lived in the same Europe as the Franks and Teutons, who had been given the light in the very first centuries of the Christian era, while the Slavs had to wait a long time till their turn came. History teaches us to appreciate the great importance of the time when they were converted, on account of the secession of the Western Christians from the Orthodox faith, which began just about that time. Now China is waking up. Is not the time coming for calling that nation of many millions to the light of Christ? If so, then the Orthodox Christian Church has before her another great task, laborious, beset with difficulties, demanding many centuries. Our philosopher, V. S. Soloviof, sees in Japan the beginning of the wars and troubles which are to precede the end of the world, while Archbishop Nicanor sees in the same Japan the first flash of the light of faith, kindled by the efforts of our heroic missionary, Bishop Nicholas, and points thither as to a refuge of the Church. This can and must be independently of the question, whether or not Russia will keep along the path of Orthodoxy, for the course of history points to Russia as to the mediating agent in the great work of the evangelization of the East.

The history of the Church shows three distinct periods: the first period is mainly one of conflict against external foes; the second is one of external conflict against the teachers of errors (the time of Œcumenical Councils); the third period is one of twofold conflict: internal—against the churches and communities that have fallen

off from Orthodoxy, and external—against foreign enslavers: Saracens, Turks, Mongols. Each period adds complications to the Church's task and labors, and lengthens the time needed for the accomplishment of the task and the achievement of victory. The second period is almost twice the length of the first, the third is going on now and appears to promise fulfillment in the XXI-th century—that very century which Soloviof has fixed upon for the end of the world*).

In our last year's New Year's article, entitled „A threatening Cloud in the West of Europe”, we presented the movement which is taking place in the Church with greater detail, and, dwelling on the approaching end of the third period of the Church's history, we proposed the query: what snares is that „murderer from the beginning”, the Devil, setting for the Church? Wherein is the knot tied for the coming struggle of the Church, if be it pleases the Father to prolong her existence? „At this thought”, we wrote at the time, the heart cannot help shuddering at the stormcloud of socialism hanging over the world: in that cloud flash ominous fires, the rolling of thunder is heard from it”.. Now fires flash from the opposite side—where China is just awaking out of her many ages of sleep. From both sides new problems confront the Church, far exceeding in difficulty all the previous and present problems she has had and now has to contend with. We can see the dawn of a new era in the history of the Church and of the world. Universal history will now have the whole earth for its arena.

„That modern humanity is sick and decrepit and that universal history is intrinsically ended,—that was my father's pet idea”, writes V. S. Soloviof. „What brilliant confirmation of his deeply thought out and matured views the late historian would find in the present events”, he continues, „when, in the place of the imaginary new peoples, the oldest grandfather of them all, the Chinaman, unexpectedly takes possession of the stage and the end of history joins its beginning!.. The historical drama is played out; the epilegue alone remains”. In China, in veritate in her inertness, father and son both see an impassable barrier in the

*) The relative length of the first and second periods of the Church's history is worthy of notice: the period of persecutions (34—313) lasts nigh on 279 years; the period of internal trouble and oecumenic councils, if we count down to the establishment of Orthodoxy at the local council of 842, covers 529 years;—if to the beginning of the separation of the Western Church in 867, it covers 554 years i. e. nearly double the first. The third period, in which we are living now, has already lasted nearly ten centuries. „Thou hast ordered all things in measure and number and weight” (Wis. of Solomon, XI, 20).

way of universal history. The history of the Church confirms the fact that young nations,—the Franks, the Teutons, the Slavs,—lovingly accepted the holy faith, and freely and widely applied its laws and rules to the conditions of their simple patriarchal life. But the same history teaches that, before the new nations adopted it, the ancient nations had received it—the Jews, the Greeks, the Romans, and that these were the first to give to Mother Church out of their midst men and women and youths, nay even children—soldiers of the faith, and from their number she picked her crown of martyrs, and the young nations received the treasure of faith from the hands of their elders. It appears, then, that the mere fact of a nation's being ancient and having a form of life elaborated through many ages does not constitute an insuperable obstacle to its conversion. And the circumstance that in the course of the savage rising of the Boxers, many Christians fell martyrs to the faith speaks rather in favor than against the enlightenment of that vast and populous country. „Martyrs' blood”, in the old apologist's words, „is seed of Christians”.

We are reminded of the tremendous difficulty of converting that people from Buddhism. True; Buddhism is the most refined and insidious form of paganism. The ancient heathens who adopted it sought the truth in this new error. Here the depths of pernicious unbelief are veiled with a certain specious show of faith, at the first glance not unlike Christianity. But the history of the Church shows, as was remarked above, that the problems she has to encounter in her work of salvation grow more complicated in the course of time, and it will be her task in the coming ages to overcome and conquer even this ancient and most wily invention of the powers of hell.

„It is not by mere chance”, somebody writes in the „Russian Archive”, „that to a Russian general fell the honor of commanding the united troops of the Old and the New Worlds. This significant fact should be followed by Russia assuming the part of mediator in the cause of the universal unification of all nations, similarly as the first call to the establishment of universal peace came from Russia”.

In view of this grand future mission of Russia, for which she has been prepared by her ten centuries of history, the call to repentance and a better life which we hear in our hearts on the boundary of two centuries assumes a peculiar, profound import.

I will close with these words of the ever glorious prelate Philaret:

„Blessed be God, Who to this day hath exalted our nation by truth! May the force of His grace diminish in us the sins which lessen the worth of nations!”

Archpriest Peter Smirnof.

Древняя религія Тлинхита.

(Продолженіе).

Впрѳванія въ духовъ и души умершихъ.

Несомнѣннымъ признакомъ того, что въ древнее время вѣрили въ возможность переселенія души въ выдру (кушта), медвѣдя (хуць), морскаго бобра, альбатроса и проч., остается до сихъ перъ повѣріе, что эти животныя имѣютъ человѣческую душу и могутъ понимать человѣческую рѣчь, почему индіане прежде совсѣмъ не убивали этихъ животныхъ, да и теперь остерегаются убивать ихъ безъ особенной нужды. Убивать этихъ животныхъ прежде считалось великимъ стыдомъ.

О выдрѣ и медвѣдѣ у индіанъ существуетъ не мало разсказовъ, въ которыхъ указывается на близкое духовное родство ихъ съ человѣкомъ и на ихъ способность понимать людей.

О выдрѣ разсказывается, что она, преслѣдуемая охотникомъ, иногда останавливается и говоритъ человѣческимъ голосомъ, прося о пощадѣ. Мяса выдры индіане никогда не ѣдятъ. Снявъ шкуру, обыкновенно зарываютъ въ землю. Дѣлаютъ это вѣроятно еще въ виду того, что выдра нѣсколько напоминаетъ собой человѣка не только нѣкоторыми привычками, но и устройствомъ своего тѣла.

Еще большимъ уваженіемъ пользуется медвѣдь. Когда индіанинъ идетъ въ лѣсъ за чѣмъ либо и боится, что его встрѣтитъ тамъ медвѣдь, онъ, чтобы предотвратить это и чтобы умилостивить медвѣдя, — старается всячески задобрить его похвалами и ласковыми прозвищами. Въ противномъ случаѣ, если начатъ бранить медвѣдя и смѣяться надъ нимъ, надъ его слабостями и несовершенствами, — можно разсердить медвѣдя и накликать на себя бѣду, потому что медвѣдь не только понимаетъ, что люди говорятъ, но издали чувствуетъ приближеніе враговъ и людей вообще нерасположенныхъ къ нему. Кромѣ того, онъ владѣетъ всѣми способ-

ностями пониманія и чувствованія, какъ человѣкъ. Ему присущи честность, гордость, великодушіе, мстительность и пр., не менѣе чѣмъ людямъ. Онъ даже имѣетъ стыдъ присущій разнымъ поламъ. Существуетъ повѣріе, что медвѣдь убѣгаетъ при видѣ женской наготы.

Охота на медвѣдя у индіанъ сопровождается безчисленнымъ множествомъ примѣтъ, приговоровъ, обрядовъ, сильно напоминающихъ собою повѣрья эскимосовъ сѣвера, гренландцевъ или нашихъ сибиряковъ. Гренландскія женщины, когда замѣчаютъ вблизи присутствіе медвѣдя, обнажаютъ верхнюю часть своего тѣла, чтобы отогнать его прочь. А когда медвѣдь убитъ, гренландцы, прежде чѣмъ приняться за разрѣзываніе его по частямъ, подходят по очереди и пьютъ пригоршнями еще неостывшую кровь, затѣмъ хлопаютъ рукой по медвѣжьему мѣху, приговаривая: «ты жиренъ, ты очень жиренъ»... Голову медвѣдя, когда отнимутъ отъ туловища, вносятъ въ барабору, ставятъ на столъ, украшаютъ разными бездѣлушками, при чемъ уши и ноздри замыкаютъ. Последнее дѣйствіе, по мнѣнію дикарей, должно мѣшать всѣмъ медвѣдямъ, на которыхъ охотятся, чуять приближеніе человѣка. Въ такомъ положеніи голову медвѣдя держатъ пять дней и не ѣдятъ ея изъ опасенія, чтобы душа медвѣдя во время дороги къ дому не умерла. Эскимосы вѣрятъ, что душа медвѣдя никогда не возвращается домой ранѣе пятого дня.

Подобно гренландцамъ и аляскинскіе индіане, когда убьютъ медвѣдя, пьютъ его теплую кровь, сѣдаютъ его неостывшее еще сердце въ увѣренности, что этимъ они оказываютъ уваженіе всей медвѣжьей породѣ, и что отъ этого они сами могутъ сдѣлаться храбрыми и сильными, какъ медвѣдь. Голову убитаго медвѣдя индіане также украшаютъ перьями и, поставивъ у костра, поютъ въ честь ея пѣсни для того, чтобы и впредь въ промыслѣ за медвѣдемъ была удача. Отъ всякихъ нескромныхъ словъ, а тѣмъ болѣе насмѣшекъ при этомъ строго воз-

держиваются, — это грѣшно. Медвѣжья порода отомстила бы за всякое поруганіе, хотя-бы и надъ убитымъ своимъ собратомъ. Душа медвѣдя остается жить и послѣ смерти медвѣдя. Она можетъ сообщить о поруганіяхъ роднымъ медвѣдямъ...

Въ этихъ же видахъ и женщины, когда идутъ въ лѣсъ за ягодами, или собирать коренья, поютъ въ честь медвѣдя хвалебныя пѣсни, а завидѣвъ медвѣжьи слѣды, всячески хвалятъ его, боясь въ противномъ случаѣ быть уведенными въ берлогу. Если же нечаянно наткнутся на медвѣдя, то, подобно гренландкамъ, обнажаютъ верхнюю часть своего тѣла, въ увѣренности, что медвѣдь застыдится и убѣжитъ.

Вотъ что рассказывается, между прочимъ, по поводу того, какъ одна дѣвушка, тайонская дочь, смѣялась надъ медвѣдемъ.

Въ одинъ осенній день, отправившись въ лѣсъ за ягодами въ общество подругъ, тайонская дочь по дорогѣ, переходя медвѣжью тропу, принялась всячески бранить медвѣдя, называя его глупымъ, слѣпымъ, неповоротливымъ, и т. д. Подруги не разъ принимались уговаривать ее перестать, но она не унималась, а еще сильнѣе высмѣивала медвѣдя. Когда пришло время возвращаться домой съ ягодами, у тайонской дочери одинъ разъ, потомъ другой и третій разъ рассыпались ягоды. Сначала подруги помогли ей собирать рассыпанныя ягоды, но потомъ, видя, что уже темнѣетъ и полагая, что неспроста у тайонской дочери рассыпаются ягоды, порѣшили покинуть ее одну. Настала темная ночь. Бѣдная дѣвушка совсѣмъ сбилась съ пути, не зная куда идти, сѣла подъ дерево и заснула. Вдругъ ночью она слышитъ знакомый голосъ своего милаго, просыпается и видитъ его въ полутьмѣ самого. Отъ радости она не знаетъ что и дѣлать. Тотъ приказалъ ей слѣдовать за собой. Долго она шла съ нимъ рука объ руку, но вмѣсто того, чтобы выйти на дорогу или на край лѣса, — они уходили въ гущу лѣса. Лѣсъ становился все гуще и гуще. На-

конецъ, она не вытерпѣла и спросила своего спутника, скоро-ли они дойдутъ до дома?

— «А вотъ и нашъ домъ, — отвѣчалъ тотъ, — «полѣзай туда»...

Передъ ними зіяло огромное отверстіе медвѣжьей берлоги. Дѣвушка испугалась и стояла въ недоумѣніи. Спутникъ же настаивалъ на своемъ и силой принудилъ ее войти туда. Но лишь только она спустилась внутрь берлоги, какъ наткнулась на двухъ огромныхъ старыхъ медвѣдей и въ испугѣ отпрянула назадъ. Она хотѣла было бѣжать прочь, но спутникъ удержалъ ее, говоря, что ей это только показалось, что это не медвѣди, а люди. Дѣвушка опять полѣзла въ яму и дѣйствительно предъ ней стояли теперь старикъ и старуха самаго почтеннаго вида, которые любезно приглашали ее не стѣсняться, входить далѣе... За нею вошелъ и спутникъ. Но какъ только вошелъ, вдругъ изъ челоуѣка превратился въ звѣря. Начались упреки и выговоры за то, что она смѣялась и ругала его. Потомъ сталъ доказывать ей, что медвѣди у себя въ берлогѣ такіе же люди, какъ и всѣ, только внѣ берлоги они имѣютъ звѣриный видъ. Сначала дѣвушка поплакала и погоревала живя въ берлогѣ, но потомъ полюбила молодаго медвѣдя, сдѣлалась его женой, даже видъ приняла звѣриный. Такъ она прожила до весны, когда охотники, разыскавъ берлогу, напали и убили сначала старыхъ медвѣдей, потомъ и молодаго. Хотѣли убить и тайонскую дочь, но она, узнавъ въ охотникахъ своихъ братьевъ, закричала челоуѣческимъ голосомъ, чтобы они пощадили ее, такъ какъ она ихъ пропавшая сестра. Кончилось тѣмъ, что она возвратилась домой и рассказала, какъ живутъ медвѣди.

Кснкретнымъ выраженіемъ вѣрованія въ одинаковость духовной стороны въ челоуѣкѣ и животныхъ служатъ шаманскія заклинанія палъ больными, или во время гаданій и другихъ случаяхъ; равно личны или маски звѣрей, въ которыхъ, по представленію индіанъ, обитаютъ духи или еки животныхъ. Во время заклинаній,

шаманъ, когда хочетъ, чтобы ему служилъ тотъ или другой духъ, напр. медвѣжій, надѣваетъ на себя маску, изображающую этого звѣря. Сверхъестественная сила ековъ животныхъ и ековъ людей почти на различается. Судя по тому, что еки животныхъ чаще призываются во время заклинаній надъ больными, чѣмъ еки людскіе, или еки предковъ и знаменитыхъ людей, первые, т. е. еки животныхъ считаются сильнѣе и могущественнѣе.

Нѣкоторымъ доказательствомъ того, что индіане вѣрили въ возможность поселенія душъ животныхъ въ людей, служить то обстоятельство, что большая часть индіанскихъ именъ суть названія животныхъ. Давая звѣриное имя своему ребенку, индіанинъ вѣрить, что вмѣстѣ съ этимъ его потомокъ будетъ владѣть силою и способностью того звѣря, имя котораго онъ носитъ.

Иллюстраціей же того, насколько живо и ясно представляютъ индіане существованіе души за гробомъ, служатъ ихъ похоронные обряды, поминки и празднества въ честь умершихъ.

А. А.

Изъ жизни епископальной церкви въ Сѣверной Америкѣ.

Запасные дары для больныхъ.

Декларация Мерилэндскаго Духовнаго Союза одобренная на конференціи бывшей 5-го Декабря 1900 г.

Въ виду того факта, что, въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ, древній и чуть не апостольскій обычай носить св. Причастіе къ больнымъ и умирающимъ, не могущимъ принять оное въ церкви, былъ нѣкоторыми лицами, занимающими высокія церковныя должности объявленъ противнымъ церковному закону, какимъ онъ изложенъ въ Общемъ Молитвословѣ. («Book of Common Prayer»).—Мы, члены Мерилэндской вѣтви «Духовнаго Союза для Соблюденія и Защиты Вселенскихъ Началъ», крѣпко держась вѣры, ученія, и обычая Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, долгомъ считаемъ отстаивать правду, порядокъ, и благость церкви противъ сихъ напастей. И потому заявляемъ:

1

1.—Что отдѣленіе Запасныхъ Даровъ Тѣла и Крови Христовой для больныхъ и умирающихъ есть несомнѣ-

но первобытный и всемірно принятый обычай и практикуется всею католической церковью.

2.—Что освященное церковнымъ преданіемъ употребленіе Запасныхъ Даровъ было удержано Англиканскою церковью во время Реформации, и было положительно предписано первымъ англійскимъ Молитвословомъ отъ 1549-го года, а именно: «если больной не въ состояніи прійти въ церковь..., и если въ этотъ день въ церкви совершается таинство Евхаристіи, то священнодѣйствующій долженъ отложить столько отъ Даровъ Тѣла и Крови, сколько требуется для больного... и коль скоро будетъ возможно... долженъ идти и причастить больного».

1.—Что, не смотря на то, что эти предписанія, равно какъ и дѣйствія при освященіи Евхаристіи были опущены во второмъ Молитвословѣ отъ 1552-го года, вслѣдствіе цензуры со стороны иностранныхъ протестантовъ, однако мы можемъ какъ къ первому, какъ и къ послѣднему примѣнить слова епископа Косина: «самый обычай не могъ вслѣдствіе того быть опущенъ, такъ какъ онъ до сихъ поръ между нами въ общемъ употребленіи» («Сочиненія», т. V, стр. 478, 516). Да при томъ, правила перваго Молитвослова были восстановлены въ латинскомъ Молитвословѣ отъ 1560—80 г., который былъ принятъ духовенствомъ и имъ употребляемъ наравнѣ съ англійскимъ отъ 1559-го г. и свидѣтельствуетъ въ пользу непрерывнаго признанія первобытнаго обычая откладывать отъ Честдыхъ Даровъ для больныхъ» («Кемпе», о Запасныхъ Дарахъ, стр. 13, 169).

4.—Что, хотя вопросъ о Запасныхъ Дарахъ не затронутъ въ Молитвословѣ отъ 1559 г., «однако нѣтъ разумнаго повода сомнѣваться, что громадное большинство духовенства—10,000 тысячъ человекъ продолжало откладывать отъ Даровъ и носить эти Запасные Дары торжественнымъ шествіемъ къ больнымъ». (Мак Колль, «Рѣшеніе Вопросовъ о Реформаци», стр. 164). Въ самомъ дѣлѣ, причащеніе больныхъ съ совершеніемъ самаго таинства въ комнатѣ больного было, во время Реформации, противно обычаю католической церкви, и есть «нововведеніе въ обычаяхъ христіанскаго міра» (Мак Колль, стр. 165).

5.—Что для изучающихъ исторію Молитвослова ясно до очевидности, что правило оставленное въ Молитвословѣ 1552 г., «Если что останется отъ священныхъ Даровъ,—не выносить изъ церкви» (правило напечатанное и въ нашемъ Молитвословѣ) «не имѣло смысла запрещенія этого всемірнаго употребленія Запасныхъ Даровъ для больныхъ, относительно котораго не было вовсе полемики; а было принято умышленно, для предохраненія св. Христовыхъ Таинствъ отъ поруганія и для обезпеченія благоговѣйнаго потребленія священныхъ Даровъ» (Кемпе, стр. 29, см. тоже благочиннаго (Dean) Луккова. «Обрядный Кризисъ», стр. 46, 48).

Виновики этого правила—Косинъ епископъ Дургамскій, «святитель отмѣнный по благочестію, начитанности въ писаніяхъ св. Отцевъ и литургическимъ знаніямъ». Въ своихъ замѣткахъ о Молитвословѣ («Сочиненія т. V»), онъ весьма ясно выводитъ, что данное правило не имѣетъ ничего общаго съ употребленіемъ Запасныхъ Даровъ для больныхъ; а въ своихъ замѣткахъ о Причащеніи больныхъ онъ говоритъ: «но во второмъ Молитвословѣ короля Эдуарда правило напротивъ было помѣщено слѣдующее: «и если въ тотъ день въ Церкви совершается таинство Евхаристіи, то священнодѣйствующій долженъ отложить отъ Даровъ сколько требуется для больного, и пр. (какъ выше на стр. 496). Тоже древнее правило приводится д-ромъ Сперро въ его «Толковомъ обсужденіи». Общаго Молитвослова (Book of Common Prayer), впервые изданномъ въ 1667 г. Онъ также предписываетъ, сколько именно изъ службъ причащенія слѣдуетъ читать причащая больного отъ Запасныхъ Даровъ. Хотя онъ принималъ участіе въ пересмотрѣ изданія 1662 года, онъ не сдѣлалъ никакихъ измѣненій въ позднѣйшихъ изданіяхъ своего «Толковаго обсужденія», изъ которыхъ послѣднее выпущенное при жизни автора появилось въ 1684 г.,—фактъ доказывающій, что онъ не считалъ употребленіе Запасныхъ Даровъ для больныхъ противнымъ ни духу, ни буквѣ правила помѣщеннаго въ Общемъ Молитвословѣ. («Толковое обсужденіе», Изданіе Ньютона, Предисловіе Издателя, и стр. 279. 280). Другаго свидѣтеля мы имѣемъ въ лицѣ Герберта Торндайка, который, подобно Сперро, былъ назначенъ членомъ королевской комиссіи при Савойской Конференціи («Конференціи» Кардуэля, стр. 157, 298). Показаніе Торндайка особенно цѣнно потому, что оно встрѣчается въ книгѣ («Реформація Англиканской Церкви» и пр.), написанной годами позже вставки обсуждаемаго правила, т. е. между 1670-мъ и 1672-мъ годами. „И настолько,“ пишетъ онъ, „вдался я въ частности касательно Евхаристіи—что церковь должна стараться совершать сіе таинство столь часто, чтобы отъ Даровъ откладывать до слѣдующаго освященія. Ибо въ этотъ промежутокъ времени она должна держаться въ готовности, такъ чтобы отходящимъ въ другую жизнь не нужно было ждать, пока освященіе будетъ совершенно для каждаго отдѣльно. Необходимость этой предосторожности, уже изложенная, значительно усиливается тамъ, гдѣ существуетъ опасность смерти. Церковная практика свидѣтельствуетъ о комъ до крайности очевидно.“ („Сочиненія“ т. V, стр. 578. На счетъ числа и года, см. примѣч. на стр. 491). „Насколько намъ извѣстно, вопросъ о воспрещеніи употреблять Запасные Дары не былъ даже затронутъ при послѣднемъ пересмотрѣ Молитвослова въ 1662 году. Столь поистинѣ далеки были сіи нарочитые богословы и отцы церкви отъ таковаго воспрещенія, что ихъ мудрости, учености,

предусмотрительности, мы обязаны (послѣ Бога), тѣмъ, что главной характеристикой, главнымъ послѣдствіемъ ихъ ревизіонныхъ трудовъ былъ замѣтный и послѣдовательное движеніе впередъ къ болѣе совершенному кафоличеству первобытной, нераздѣльной церкви.

17.—Что ни единымъ словомъ, ни въ англійскомъ, ни въ американскомъ Общемъ Молитвословѣ, не воспрещается употребленіе Запасныхъ Даровъ. Литургія шотландской церкви, у которой, черезъ епископа Сибюри, мы заимствовали нашъ Канонъ Освятительной Молитвы, предписываетъ причащеніе больныхъ Запасными Дарами. «Этотъ обычай», говоритъ епископъ Форбзъ, «утвердился въ шотландской церкви, въ силу не письменной традиціи со временъ секты отказывавшейся присягать въ вѣрности престолу (Non Jurors)». Затѣмъ, далѣе: Церковь, съ самыхъ раннихъ временъ откладывала отъ Даровъ, взирая на таковыя Запасныя Дары какъ на драгоценнѣйшій залогъ отъ неба и на чудо божественной любви» (Форбзъ «О Членахъ», стр. 586; 571). Въ наше время, въ Лондонѣ, съ вѣдома и одобренія покойнаго архіепископа Тэта, Запасныя Дары употреблялись во все продолженіе холерной эпидеміи. Тоже самое дѣлалось въ кафедральномъ соборѣ въ Мемфисѣ въ годину желтой лихорадки. Палата епископовъ, пастырскимъ посланіемъ отъ 1895-го года, признала право каждаго епископа разрѣшать причащеніе больныхъ Запасными Дарами,—чего никакому епископу не возможно было бы разрѣшать, если бы это воспрещалось церковными правилами, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Обычай этотъ многократно былъ признанъ законнымъ и практикуется большою частью нашего духовенства. Мы поэтому приходимъ къ заключенію, что не будетъ противно ни духу ни буквѣ церковныхъ правилъ, если священнодѣйствующій отложить для больныхъ часть освященныхъ Даровъ прежде чѣмъ причащеніе кончится въ церкви. Канонникъ Мак-Колль даже прямо утверждаетъ, „что тотъ, кто воспрещаетъ употребленіе Запасныхъ Даровъ, поступаетъ своевольно («ultra vires», стр. 169). Ни одинъ епископъ не компетентенъ отмѣнять правило находящееся въ Молитвословѣ и официально объявлять священника виновнымъ въ нарушеніи церковнаго закона за то, что онъ не можетъ по совѣсти согласиться съ мнѣніемъ епископа.

II

Что точныя выраженія, въ которыхъ сложена освятительная молитва, на нашъ взглядъ рѣшаютъ окончательно вопросъ о Запасныхъ Дарахъ: „Смиренно молимъ Тебя, да мы, и все другіе, кто будутъ сопричастниками св. Таинъ, примемъ достойно Пречестное Тѣло и Пречестную Кровь Сына Твоего Іисуса Христа“. Ибо, если мы примемъ во вниманіе, что молитва эта взята изъ шотландской Литургіи, и что Запасныя Дары безъ спора употреблялись шотландской церковью для боль-

ныхъ, то станетъ ясно, что слова: «и всѣ другіе» вставлены въ виду другихъ причастниковъ, въ церкви не присутствующихъ, и что частицы нарочно отложенныя для такихъ причастниковъ нельзя назвать „оставшимися послѣ причастія“, и потому до нихъ не касается правило въ концѣ нашей литургіи. Мы поэтому приходимъ къ заключенію, что первобытный вселенскій обычай, откладывать отъ Даровъ для больныхъ, продолжаетъ быть у насъ вполне законнымъ, и что священникъ имѣетъ нынѣ, какъ и всегда имѣлъ, право носить св. причастіе больнымъ членамъ своей паствы. Это право присуще его сану, и церковь никогда не лишила его онаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Пожертвованія:

На Гальвестонскую ц. пожертвовано:

Православнымъ соревновательнымъ женскимъ Обществомъ въ С.-Франциско	25.00
и разными лицами	25.00
Свящ. Гр. Грушкой	1.00
М. Ѡ. Зѣтиковой	1.00
М. В. Хотовицкой	2.00

Пожертвовано на построение русскаго храма въ Нью-Йоркѣ: И. Мих. Терентьевымъ	77.25
М. Т. М.	20.00
Свящ. Гр. Грушкой	3.00
Свящ. Мих. Авроровымъ	2.57

На Юнкерскую церковь пожертвовано:	
свящ. Гр. Грушкой	1.00
и разными лицами	29.50

Назначеніе:

Резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Тихона, Епископа Алеутскаго и Сѣверо-Американскаго, отъ 2 марта с. г. за № 145, обучающійся въ Ситхинской школѣ П. Котанукъ, назначенъ и. д. псаломщика въ г. Джуно.

Присоединеніе.

Въ каедральномъ соборѣ присоединены къ православію изъ уни Стефанъ Сисакъ 25 л., жена его Анна 21 г. и сынъ Стефанъ 8 мѣс.

THE FERIAI MENAION
OR
THE BOOK OF SERVICES
FOR
THE TWELVE GREAT FESTIVALS
AND
THE NEW-YEAR'S DAY
—+—+—+—+—
TRANSLATED
From a Slavonian Edition of last Century
Printed identically with the latest issues in Moscow
and published as now by
THE MOST HOLY GOVERNING SYNOD OF RUSSIA
PRICE. \$2.37
North American Ecclesiastical Consistory,
1715 Powel St. San Francisco, Cal.

Поступила въ продажу новая книга

на англійскомъ языкѣ

МИНЕЯ ПРАЗДНИЧНАЯ

содержащая службы
на двенадцатые праздники и на новый годъ.
Перевелъ съ славянскаго изданія

Проф. Н. В. Орловъ.

Лондонъ 1900.

Съ требованіями обращаться
въ С.-Американское Духовное Правленіе.

1715 Powell Str. S. Francisco, Cal.

Цѣна безъ пересылки 2.25

съ пересылкою 2.37

СОДЕРЖАНІЕ: № 6.— Положи Господи храненіе устамъ моимъ (Св. Амеросія, о должностяхъ).— Слово Преосвященнѣйшаго Тихона, въ четвертую недѣлю Великаго Поста — Основныя задачи и характеръ православно-русскаго инородческаго миссіонерства. Западное инославное миссіонерство. — Индіанское племя Тлинхитъ. — Извѣстія и замѣтки. — Оффиціальныи отдѣлъ.

Редакторъ Свящ. А. Хотовицкій.

Печатать разрѣшается.

Цензоръ. Архимандритъ Іафаилъ.